

Егор Круглов

Озёрный Рай

Егор Круглов

Озёрный Рай

«Автор»

2026

Круглов Е.

Озёрный Рай / Е. Круглов — «Автор», 2026

Марк и Эмма едут в Озёрный Рай - курорт, который на сайте выглядит почти непристойно красиво: бирюзовая вода, деревянные домики, улыбающиеся люди. В реальности их встречает густой туман, пустая касса, холодная чашка чая на стойке и администратор с улыбкой, которая не исчезает. Домики стоят с заколоченными окнами. Качели скрипят без ветра. А на горизонте - остров, к которому тянутся молчаливые очереди. Они садятся в лодку. Туман не рассеивается.

© Круглов Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Егор Круглов

Озёрный Рай

Глава 1

Я не помню, когда в последний раз видел солнце. Кажется, оно осталось где-то там, за поворотом трассы, за пеленой, что выползла на дорогу ещё в городе. Эмма тогда сказала: «Ничего, к обеду развеется». Я кивнул. Я всегда киваю, когда не хочу спорить. А может, когда боюсь, что она права.

Автобус шёл медленно, тяжело, будто тоже не хотел ехать. Я сидел у окна, и мир снаружи превратился в размытое пятно – серое на сером. Дорога петляла, поднималась, падала; каждый подъём отдавался в желудке тупой, ноющей тяжестью. Эмма держала меня за руку и говорила о том, как здорово будет искупаться, как мы найдём тихое место, как это будет наша маленькая осень – до дождей, до холодов, до всего. Я слушал её голос и старался не думать о том, что тошнота подступает всё ближе.

– Озёрный Рай, – прочитал я на сайте. Фотографии были яркими, почти непристойно яркими: бирюзовая вода, деревянные домики, улыбающиеся люди. Я тогда подумал, что это хорошая идея. Теперь, глядя на собственное отражение в мутном стекле, я уже не был так уверен.

На полпути меня вывернуло. Дважды. Водитель молча протянул пакет, даже не обернувшись. Эмма погладила меня по спине, и её ладонь была тёплой, живой – единственной тёплой вещью в этом холодном жестяном коробе. Я закрыл глаза и попытался дышать ровно. Туман за окном стал плотнее, будто автобус въехал в вату.

Когда мы сошли, воздух ударил в лицо сыростью. Не прохладой – именно сыростью, как из подвала. Остановка была пустой: ни людей, ни расписания, ни даже урны. Только столб с облезлой краской и тишина. Я достал телефон – связи не было. Ни одной палочки. Эмма достала свой – то же самое. Мы стояли и смотрели на экраны, будто от нашего упорства зависело что-то важное.

– Ловит, – вдруг сказала она, поднимая руку. Одна палочка. Дрожащая, готовая исчезнуть в любую секунду. Мы заказали такси, и оно приехало через двадцать минут – старая «Лада» цвета мокрого асфальта. Водитель молчал всю дорогу. На вопрос, далеко ли до места, он только кивнул в сторону лобового стекла, где туман стусился в плотную стену.

Ворота мы увидели не сразу. Они возникли из белизны, как декорация: высокие, кованые, с завитушками, за которыми угадывались тёмные силуэты деревьев. Замок висел – большой, ржавый, но на нём не было следов взлома. Просто замок. Просто закрыто.

– Может, не туда? – спросила Эмма, и в её голосе впервые за день я услышал тонкую, как паутина, нотку сомнения. Я пожал плечами и пошёл вдоль забора. Туман цеплялся за одежду, оставлял на коже влажные следы. Металл пах холодом и ржавчиной. Где-то вдалеке, за стеной тумана, что-то скрипнуло – коротко, будто качели. Я остановился, прислушался. Тишина. Только капли. Дождь ещё не начался, но воздух уже был им пропитан.

Касса нашлась в другом конце ограды – приземистое здание с колоннами, выкрашенное в цвет старой кости. Дверь была приоткрыта. Мы вошли.

Внутри было красиво. Неправильно красиво. Огромный зал с высокими потолками, лепнина, витражи – тусклые, без света, но всё равно роскошные. Мраморный пол, по которому наши шаги разносились гулким эхом. И пусто. За стойкой администратора никого. Монитор погас, стул отодвинут, на столе – чашка с недопитым чаем, уже покрытым плёнкой. Я коснулся её – холодная. Не тёплая, не горячая. Холодная, как всё вокруг.

– Здесь есть кто-нибудь? – позвала Эмма. Голос утонул в пространстве, не оставив следа.

Мы ждали. Минуту, две, пять. Я рассматривал витражи: на них были изображены сцены купания, фигуры в воде, но лица были стёрты, будто кто-то специально зашлифовал стекло. В какой-то момент мне показалось, что одна из фигур шевельнулась. Я моргнул. Нет. Показалось.

Потом появился администратор. Я не услышал шагов – он просто возник за стойкой, как будто всегда там стоял, а мы просто не замечали. Худая, с длинными пальцами, в тёмном костюме. Лицо у неё было... я не могу вспомнить лицо. Только улыбку – вежливую, застывшую, как на старинной фотографии.

«Извините за ожидание, – сказала она. – У нас небольшие неполадки. Сотрудник... отлучился».

Она произнёс это так, будто сам не верил в свои слова. Эмма переспросила, куда отлучился, и администратор ответил:

«Мы его нашли. Всё в порядке».

Нашли. Я хотел спросить, где нашли, но что-то в его взгляде – пустом, как витражное стекло, – остановило меня.

Мы заплатили. Она выдал ключ – тяжёлый, тёмный, с номером «17». И когда мы уже выходили, я обернулся. Администратор стояла и смотрела нам вслед. Улыбка не исчезла. Она просто была. Как туман. Как холод.

Территория встретила нас дождём. Он начался резко, будто кто-то дёрнул за верёвку, и небо разом обрушилось вниз. Мы шли по дорожке, и я считал шаги, потому что тишина становилась невыносимой. Ни голосов, ни музыки, ни смеха детей. Ничего. Пусто.

Домики стояли вдоль дороги – тёмные, с заколоченными окнами. Качели на детской площадке скрипели, хотя ветра не было. Я смотрел на них и чувствовал, как что-то внутри сжимается в тугой комок. Ржавые горки, покрытые мхом, торчали из земли, как кости. Водные аттракционы – сухие, мёртвые, с облупившейся краской, которая осыпалась под дождём. Я подумал: «Мы же видели людей. У кассы. Они ждали номера». Где они? Куда они делись?

Эмма молчала. Она шла рядом, и я чувствовал, как её рука дрожит. Или это дрожал я.

Мы нашли наш домик в конце аллеи. Дверь открылась с протяжным скрипом. Внутри пахло сыростью и чем-то сладковатым, как увядшие цветы. Свет не горел. Я щёлкнул выключателем – тишина. Ни искры.

– Марк, – тихо сказала Эмма. – Я не хочу здесь оставаться.

Я обнял её. Она была холодной. Или это я был холодным. Я уже не понимал.

За окном туман сгустился настолько, что не было видно даже соседних домиков. Только белое молоко, в котором тонули очертания мира. Где-то далеко, на грани слышимости, раздался звук – низкий, протяжный, будто кто-то вздохнул. Я замер. Эмма тоже.

– Это ветер, – сказал я.

Она не ответила.

Я закрыл дверь. Замок щёлкнул. И в этот момент я понял: мы не знаем, где здесь выход. Мы даже не знаем, где здесь люди. Возможно, мы одни.

Дождь усилился, и его стук по крыше стал единственным звуком в этом мёртвом месте. Я сел на кровать, и пружины жалобно скрипнули. Эмма легла рядом, прижалась ко мне. Мы лежали в темноте, слушали дождь и молчали.

Я думал о том, что завтра всё будет иначе. Что туман рассеется. Что мы найдём людей. Что связь появится.

Я думал так, потому что боялся думать иначе.

А за окном, в белой мгле, что-то стояло и смотрело на наш домик. Я не видел этого. Но я чувствовал. Всем телом, всей кожей, каждым волоском. Оно стояло и ждало.

И туман не рассеивался.

Глава 2

Сидеть в домике было невыносимо. Стены давили, воздух казался густым, как вода, а тишина звенела в ушах так, что хотелось биться головой о дверь. Эмма первой не выдержала – встала, накинула куртку и сказала:

– Пойдём. Хоть посмотрим, что здесь вообще есть.

Я не спорил. Мне тоже хотелось уйти. Куда угодно, лишь бы не оставаться в этом тёмном коробе с запахом увядших цветов.

Каково же было моё удивление, когда дверь открылась и в лицо ударил свет. Настоящий, тёплый, почти летний. Туман, ещё утром висевший плотной стеной, исчез, будто его и не было. Небо было ясным – голубым, с редкими белыми облаками. Солнце висело высоко и грело по-настоящему, по-августовски.

Я зажмурился и невольно улыбнулся.

– Вот видишь, – сказала Эмма, щурясь. – А ты боялся. Это просто была погода.

Я кивнул. Мне хотелось ей верить. Мне отчаянно хотелось верить, что вчерашний туман, пустые ворота, холодная чашка чая и застывшая улыбка администратора – всё это была просто усталость, просто нервы, просто дорога.

Мы пошли по аллее, и территория, ещё вчера казавшаяся мёртвой, теперь выглядела почти... приветливой. По крайней мере, так мне хотелось думать.

А потом я увидел фигуры.

Они начались внезапно – за поворотом дорожки, среди деревьев. Первым был комар. Огромный, размером с автомобиль, сделанный из металла и стеклопластика. Его крылья были распахнуты, хоботок направлен в небо, а глаза – два тёмных шара – смотрели куда-то вдаль, поверх наших голов. Я остановился и просто смотрел.

– Марк, смотри! – Эмма уже тянула меня за руку.

За комаром стояла муха. Ещё дальше – самолёт, огромный, с блестящими боками, будто только что сошедший с витрины. А потом пошли герои. И злодеи. Баба-Яга с избушкой на курьих ножках, Кощей, сидящий на сундуке с золотом, русалка, лежащая на камне, дракон с раскрытой пастью, Илья Муромец с мечом, какой-то западный рыцарь в доспехах – и ещё, и ещё. Десятки фигур, больших и малых, реалистичных и карикатурных, расставленных вдоль дорожек, как экспонаты в музее под открытым небом.

Я достал телефон. Связи всё ещё не было, но камера работала. Мы сделали несколько снимков: Эмма позировала рядом с русалкой, я сфотографировал дракона, потом самолёт, потом комара. Получилось забавно. Почти как в нормальном отпуске.

– Ну вот, – сказала Эмма, убирая телефон. – А ты говорил – заброшка.

Я не ответил. Потому что даже сейчас, среди этих ярких, красивых фигур, меня не покидало чувство, что за нами наблюдают. Я оборачивался – никого. Только тени, только деревья, только металлические глаза сказочных героев, устремлённые в никуда.

Мы пошли дальше и вскоре поднялись на небольшой участок, где, судя по всему, строился ресторан. Каркас был готов, но стены ещё не достроили, и оттуда открывался вид на воду. Красивый вид. Река или озеро – я так и не понял, но вода блестела на солнце, спокойная и широкая, и по ней вдалеке скользили лодки.

Я посмотрел вниз и увидел людей. Настоящих людей. Они гуляли по территории, шли парами и группами, останавливались у фигур, фотографировались, смеялись. Я почувствовал, как что-то внутри меня отпускает. Мы не одни. Здесь есть люди. Всё нормально.

– Видишь? – сказал я Эмме, показывая вниз. – Я же говорил.

Она улыбнулась и кивнула. И в этот момент у меня заурчало в животе.

– Есть хочу, – признался я.

– Я тоже.

Мы спустились и пошли искать еду. Это оказалось проще, чем я думал: прямо перед нами стояли два заведения. Первое – таверна, стилизованная под средневековые: тёмное дерево, кованые фонари, вывеска с нарисованным рыцарем. Второе – обычная столовая, серая, неприметная, с пластиковыми стульями и меню на стене.

Мы выбрали таверну. Просто потому, что она выглядела интереснее.

Внутри было темно и пусто. Деревянные столы, покрытые пылью, старые скамьи, кое-где сломанные. На стенах висели гобелены с выцветшими сценами охоты. Пахло сыростью и старым деревом. Единственным намёком на современность была стойка кассира – пластиковая, с надписью «Оплата картой». За ней стояла девушка. Молодая, светловолосая, в чёрной униформе. Она смотрела на нас без выражения.

– У вас есть еда? – спросил я.

– Какая? – ответила она.

Я посмотрел на меню.

– К примеру, картофельное пюре с котлетой?

– Нет, – ответила она.

Одно слово. Ни извинений, ни объяснений. Просто «нет». Я ждал продолжения, но его не было. Девушка стояла неподвижно, как одна из фигур на улице.

Мы вышли. Эмма молчала. Я тоже.

В столовой было лучше. Не сильно, но лучше. Пластиковые столы, вытертый линолеум, но за стойкой – живая женщина в фартуке, и в витрине – еда. Настоящая еда: макароны, котлеты, салат, компот. Мы взяли подносы и сели у окна.

Еда была безвкусной. Не плохой – просто никакой, будто её приготовили из бумаги. Но я ел, потому что голод был сильнее. Эммаковыряла вилкой в тарелке и смотрела в окно.

– Здесь красиво, – сказала она вдруг. – Странно, но красиво.

Я посмотрел туда же. Она была права. Зброшенное, пустое, но красивое – как декорация к фильму, который так и не сняли.

После еды мы пошли дальше. Территория тянулась вдоль берега, и мы шли по ней не торопясь, впитывая солнце и тепло. Я почти расслабился.

А потом увидел очередь.

Люди. Много людей. Они стояли длинной вереницей, тянувшейся от дорожки к берегу. Мужчины, женщины, дети, старики – все молчали, смотрели вперёд, переступали с ноги на ногу. Я проследил за их взглядами и увидел причал.

Деревянный, старый, уходящий в воду. А у причала стояла лодка.

Она была большой – наверное, на двадцать человек. Белая, с высокими бортами, с навесом от солнца. И она отправлялась. Прямо сейчас. Люди заходили на борт один за другим, молча, будто делали это каждый день.

Я посмотрел туда, куда она шла.

Остров.

Он был далеко, на самом горизонте, окутанный лёгкой дымкой. Но даже отсюда я видел его очертания: тёмные деревья, скалистый берег и что-то ещё – высокое, похожее на башню или статую, торчащее из зелени. Что-то, что не должно было там быть. Что-то, что притягивало взгляд.

– Марк, – тихо сказала Эмма. – Ты тоже это видишь?

Я кивнул.

– Давай туда, – сказал я.

Она посмотрела на меня. Долго. Я видел, как в её глазах борются любопытство и что-то ещё – тёмное, тяжёлое, похожее на страх. Она хотела сказать «нет». Я это чувствовал.

Но она сказала:

– Хорошо.

Мы встали в очередь. Люди вокруг молчали. Никто не разговаривал, никто не смотрел по сторонам. Только вперёд. Только на лодку. Только на остров.

Солнце светило. Вода блестела. Лодка ждала.

И где-то внутри меня, глубоко-глубоко, тонкий голос шептал, что мы делаем ошибку. Что нужно развернуться. Что нужно бежать.

Я не слушал.

Я смотрел на остров. И остров, казалось, смотрел на меня.

Глава 3

Мы побежали. Я не помню, кто первым сорвался с места – я или Эмма. Просто в какой-то момент ноги сами понесли нас вперёд, к причалу, к очереди, к лодке. Люди расступались, пропуская нас, и я успел заметить их лица – пустые, как у манекенов, обращённые к острову. Никто не сказал ни слова. Никто не удивился.

Мы запрыгнули на борт последними. Лодка качнулась, я схватился за поручень, и в этот момент мотор взревел. Белая пена ударила в борта, и берег начал отдаляться – быстро, слишком быстро.

Волны били в днище, лодку качало, но меня не укачивало. Странно. Обычно в автобусе меня выворачивало от любой кочки, а здесь, на воде, в этой тряске я чувствовал только холод и адреналин. Пять минут – и остров вырос из дымки, как зуб из десны.

Причал. Деревянный, скрипучий, мокрый. Мы сошли на берег – я, Эмма и ещё пятеро. Люди, которые приплыли с нами, молча разошлись в разные стороны, будто знали, куда идут. Лодка развернулась и уплыла, оставив нас стоять на краю чужой земли.

Я обернулся. Вода простиралась до горизонта, серая и спокойная. Наш берег – тот, где остался парк, домик, столовая, – растворился в дымке. Я не видел его. Вообще не видел.

Мы отрезаны.

– Ну, – сказал я, пытаюсь улыбнуться, – по крайней мере, здесь есть достопримечательности.

Эмма посмотрела на меня. В её глазах не было улыбки.

– Марк, не надо.

– Что не надо? Я просто... – я замолчал. Сарказм не работал. Он никогда не работал по-настоящему, просто давал мне пару секунд, чтобы не закричать. Сейчас даже этих секунд не было.

Мы пошли вперёд.

Ворота появились неожиданно – огромные, кованые, с решёткой, утыканной острыми шипами, как колья. Они были открыты, но сами створки выглядели так, будто могли захлопнуться в любой момент. Я прошёл под ними, чувствуя, как холодный металл нависает над головой.

За воротами начинался замок. Настоящий, средневековый – или очень хорошая имитация. Каменные стены, башни с бойницами, узкие окна. Несколько домиков, прилепившихся к стенам, как ласточкины гнёзда. Всё это выглядело бы красиво, если бы не туман.

Он вернулся. Плотный, как вата, он выполз откуда-то из-за стен и начал заливать территорию. Солнце, ещё минуту назад яркое, стало мутным пятном. Свет померк. Звуки приглушились. Мир сжался до нескольких метров вокруг нас.

– Марк... – Эмма прижалась ко мне.

– Идём. Надо осмотреться.

Мы пошли вдоль стены. Домики стояли с открытыми дверями, и внутри было темно. В одном я заметил паутину – густую, серую, покрывающую углы, как плесень. В другом – сломанные ступеньки, ведущие на второй этаж. В третьем – перевернутый стол и разбитую посуду.

А потом мы нашли комнату инквизиции.

Я не знаю, как её назвать иначе. Длинное помещение с низким потолком, каменными стенами, железными кольцами, вделанными в кладку. На полу – тёмные пятна, которые я сначала принял за грязь, но потом понял, что это. Инструменты: клещи, пилы, что-то ещё, чему я не знал названия и не хотел знать.

И фигуры.

Они стояли вдоль стен, как экспонаты в музее ужасов. Чудовища. Зомби с обвисшей кожей и пустыми глазницами. Ведьма – молодая женщина с разметавшимися волосами, привязанная к столбу, с большим животом, выставленным вперёд. Её лицо было застывшим, как восковая маска. Я смотрел на неё и ждал, что она откроет глаза.

Она не открыла.

Но что-то в ней было не так. Что-то в том, как она стояла, как была привязана, как выглядела. Я не мог понять, что именно, но это что-то царапало изнутри, как заноза.

– Пойдём отсюда, – прошептала Эмма. – Пожалуйста.

Мы вышли. Я не помню, как мы вышли. Помню только, что ноги несли меня сами, а сердце колотилось где-то в горле.

Мы хотели уплыть. Вечерело. Солнце клонилось к горизонту, и туман начал темнеть, наливаясь серым. Мы пошли к причалу и стали ждать лодку.

Она не приходила.

Мы ждали час. Два. Вода была пустой. Ни точки, ни силуэта, ни звука мотора. Только волны, тихо бьющиеся о причал.

А потом из комнаты с монстрами выбежала женщина.

Я не знал её. Одна из тех, кто приплыл с нами. Она бежала, спотыкаясь, и кричала:

– Они пропали! Все пропали! Эти штуки – их нет!

Я посмотрел на Эмму. Она посмотрела на меня.

– Шутка, – сказал я.

Но это не было шуткой.

Мы пошли искать администрацию. Кого-нибудь. Хоть кого-нибудь. Но туман стал настолько густым, что я не видел дальше вытянутой руки. Мы шли на ощупь, держась за стены, за выступы, за что попало. Я считал шаги, чтобы не сбиться, и в какой-то момент запнулся.

Нога зацепилась за что-то мягкое. Я посмотрел вниз.

Тело. Мужчина. Лицо знакомое – один из тех, кто плыл с нами. Он лежал на спине, глаза открыты, рот приоткрыт, будто он хотел что-то сказать, но не успел.

Я закричал. Не помню, что именно. Эмма дёрнула меня за руку, и мы побежали.

Куда? Не знаю. Просто бежали, пока не влетели в какой-то дом. Дверь захлопнулась за нами. Я прижался к ней спиной, тяжело дыша.

Снаружи слышались шаги. Тяжёлые. Медленные. Как у зомби из той комнаты.

Я замер. Эмма вцепилась в мою руку. Шаги приближались. Я слышал рык – низкий, утробный. А потом – женский крик. Резкий, короткий. И тишина.

Кто-то дёрнул дверь. Ручка повернулась. Я навалился на неё всем телом. Дверь дёрнулась снова. Сильнее. Я держал.

Третья попытка. Четвёртая. Потом существо снаружи отступило. Шаги удалились.

Я сполз по двери на пол. Меня трясло. Руки не слушались. Я слышал, как Эмма что-то говорит, но слова не доходили.

Потом я услышал звук мотора.

Лодка. Спасение.

Я вскочил. Открыл дверь. И увидел, как мимо проходит человек с бензопилой.

Он шёл медленно, не оглядываясь. Цепь на пиле была покрыта чем-то тёмным. Я захлопнул дверь.

Паника накрыла меня, как волна. Я не мог дышать. Я не мог думать. Я не мог ничего. Только стоял и смотрел в стену, а сердце билось так, что, казалось, выломает рёбра.

– Марк. Марк. Посмотри на меня.

Эмма держала меня за лицо. Её ладони были холодными, но живыми. Я смотрел на неё и пытался дышать. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Пять минут. Может, больше. Я не знаю. Но постепенно отпустило.

Когда стало легче, я открыл дверь. Туман начал уходить. Солнце садилось, и небо на западе было красным, как кровь.

Мы вышли. Причал был пуст. Но потом я увидел лодку. Она стояла у берега.

Люди. Половина тех, кто приплыл. Они были бледными, напуганными, но живые.

Мы забрались на борт. Лодка отчалила. Вода была спокойной. Обратный путь занял те же пять минут, но мне показалось – вечность.

Когда мы сошли на берег, я почувствовал землю под ногами и едва не заплакал. Парк был тёмным, но знакомым. Мы пошли в магазин – он ещё работал, – купили еды. Потом вернулись в домик и заперлись.

Я не хотел выходить. Не хотел видеть туман. Не хотел слышать тишину.

Наступила ночь. Парк погрузился во тьму. Я лежал на кровати, смотрел в потолок и слушал, как Эмма дышит рядом.

Она заснула. Я – нет.

Я лежал и думал о том, что мы видели. О телах в комнате инквизиции. О ведьме с животом. О мужчине на дороге. О человеке с бензопилой.

И о том, что лодка уплыла с острова. Что мы вернулись. Что всё позади.

Я хотел верить в это.

Но где-то в глубине, в самой тёмной части сознания, я знал, что это не так.

Остров не отпустил нас. Он просто подождал.

Глава 4

Я не помню, как провалился в сон. Помню только, что лежал с открытыми глазами, смотрел в потолок и слушал тишину. Тишину, которая не была тишиной. В ней жили звуки – мелкие, шершавые, как насекомые под кожей.

Первыми пришли шаги.

Мягкие, осторожные. Кто-то шёл по дорожке мимо нашего домика. Шаг. Пауза. Шаг. Пауза. Я лежал и считал. Шаги приблизились к двери – я почувствовал, как напряглась Эмма, – и прошли мимо. Не остановились. Не постучали. Просто прошли.

– Люди? – прошептала Эмма.

– Наверное.

Я не верил в это. Но сказал. Потому что если не сказать, придётся признать, что это не люди.

Потом пришёл холод.

Не прохлада. Не сырость. Настоящий лютый холод, будто домик опустили в прорубь. Я натянул одеяло до подбородка – не помогло. Одеяло было тонким, как бумага, и холод проходил сквозь него, как сквозь сито. Я повернулся к Эмме, обнял её, прижал к себе. Она была тёплой. Единственное тёплое, что осталось в этом мире. Мы сплелись, как два зверя в норе, пытаюсь сохранить хоть каплю тепла. Но даже этого было мало. Холод заползал в щели, в лёгкие, в кости.

Я бросил взгляд на окно. За стеклом – темнота. Не просто ночь, а густая, плотная чернота, будто мир за окном выключили. И в этой черноте что-то двигалось.

Тень. Большая. Она проплыла мимо окна – медленно, бесшумно – и исчезла. Я не успел разглядеть, что это было. Только очертания. Только размер. Только чувство, что оно было выше нашего домика.

А потом послышался звук. Машущие крылья. Маленькие, частые, как у комара. Но громче. Ниже. Будто комар был размером с человека.

Я вспомнил фигуру на территории. Огромный комар с распахнутыми крыльями. Металлический. Неподвижный.

Тогда.

Я вжался в матрас. Эмма не дышала. Звук крыльев приблизился, завис где-то над крышей – и улетел. Затих.

Я выдохнул.

– Мы могли снять домик в другой гостинице, – прошептал я. – В той, что вдалеке. За территорией. Там было тихо. Там не было... этого.

– Ты сам хотел погружения, – ответила Эмма. Без злости. Просто факт.

Я хотел. Я всегда хочу погружения. Пока оно не начинает пожирать меня изнутри.

Снаружи снова начались звуки. Шаги. Много шагов. Люди – я слышал шёпот, быстрый, панический. Они крались вдоль домиков, стараясь не шуметь. Я выглянул в щель между занавесками. Тени. Силуэты. Люди, согнувшиеся, спешащие куда-то. Одни из нас. Такие же, как мы. Приехали за отпуском, за красивыми фотографиями, за спокойствием. А оказались в центре ужаса.

Я хотел открыть дверь. Позвать их. Но не стал. Потому что не знал, кто из них настоящий. И потому что боялся: если открою дверь, холод ворвётся внутрь и заберёт остатки тепла.

Звуки стихали постепенно. Шаги, шёпот, скрип качелей – всё растворялось в темноте. Я смотрел в окно и видел, как остров светится. Разными цветами. Красным, зелёным, синим. Будто там, вдалеке, шёл праздник. Будто там веселились. Будто там ждали.

Мои глаза слипались. Я боролся, но сон был сильнее. Я провалился в него, как в чёрную воду, и не видел снов.

Утром нас разбудило солнце.

Настоящее. Яркое. Тёплое. Оно лилось в окно, будто ночи никогда не было. Я лежал и смотрел на пылинки, танцующие в лучах, и не мог поверить, что всё это – тот же самый мир.

Мы встали. Молча. Собрали вещи. Вышли. Дверь домика осталась открытой – я не стал её закрывать. Пусть стоит. Пусть смотрит в пустоту.

Мы пошли к администрации. По дороге я смотрел на территорию. Фигуры стояли на своих местах. Комар. Муха. Самолёт. Герои. Злодеи. Они были неподвижны, как всегда. Но теперь я знал, что они умеют двигаться. Что они ждут.

Стойка администрации. За ней – человек. Нормальный. Живой. Мужчина средних лет, усталый, с кругами под глазами. Он взял ключ, кивнул, не задал ни одного вопроса. Ни «как вам отдых», ни «приезжайте ещё». Просто принял ключ и отвернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.